

Borisevič, V.

Семантические типы русского интеррогатива

Opera Slavica. 1996, vol. 6, iss. 4, pp. 10-16

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116850>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ РУССКОГО ИНТЕРРОГАТИВА

В. Борисевич (Киев)

Формально-синтаксические концепции рассматривали предложение как целостную; грамматически и интонационно-позиционно оформленную единицу, выступающую основным средством для выражения законченной мысли; как виртуальную структуру, актуализирующуюся лексическими вхождениями; как знак, означаемым которого является ситуация, причем последняя понималась как соотношение понятий, вещей или слов между собой. В связи с разграничением в конце XIX - начале XX века «языка» и «речи» (в работах И. А. Бодуэна де Куртене и Ф. де Соссюра в первую очередь) в синтаксических учениях возникла проблема соотнесения данной синтаксической единицы с тем или иным членом указанной дихотомии. Так, А. В. де Гроот предложил различать «предложения речи» и «предложения языка» (Гроот - 1949:23). Представитель пражцев В. Матезиус замечал: «... в языке мы имеем слово в его концептуальном значении и предложение как абстрактную модель, тогда как в речи имеем слово как относящееся к конкретной реальности и предложение как высказывание» (Mathesius - 1936:106). Именно в этом понимании рассматриваемая проблема дошла и до наших дней: напр., Н. Д. Арутюнова говорит о предложениях как языковых и высказываниях как речевых единицах (Арутюнова - 1972).

Такое разрешение проблемы взаимоотношений языка и речи в синтаксисе приобретает немаловажное значение в связи с переносом в лингвистике акцентов с изучения языка как внутренней системы, «в которой все взаимосвязано», на изучение языка/речи как *деятельности* (Л. В. Щерба, А. А. Леонтьев, Ю. С. Сорокин, Е. Ф. Тарасов - теория речевой деятельности) либо как действия (Дж. Остин, Р. Серль, З. Вендлер, Д. Вандервекен, Г. Грайс - теория речевых актов в рамках лингвистической философии Л. Витгенштейна). Современная речеведческая экспансия по-новому формирует структуру самого языкознания - на первый план выдвигаются дисциплинарные области, изучающие язык в его функционировании (социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, риторика, стилистика и лингвистическая прагматика), которые не замыкаются в изучении связей и отношений между

лингвистическими единицами, а рассматривают человеческую речь в широком неречевом контексте. В то же время внутренний цикл лингвистических дисциплин - фонетика и фонология, морфемика и словообразование, лексикология и грамматика, с членением последней на морфологию и синтаксис - обращается к рассмотрению семиотической сущности языка, заключенной «в установлении соответствия между универсумом значений (всем мыслимым мыслительным содержанием) и универсумом звучаний (совокупностью потенциально возможных речевых звуков)» (Кибрик - 1990:605). Таким образом, современная интегративная дисциплинарная структура лингвистики выступает основой и необходимой предпосылкой нового взгляда на единицы языка и на процессы, по тем или иным причинам происходящие в нем, - взгляда, основой которого становится вопрос о том, как и почему люди достигают или не достигают взаимопонимания, используя естественный человеческий язык в качестве инструмента своего общения.

В связи с такой переакцентуацией объектно-предметной области современных лингвистических исследований представляется возможным иначе взглянуть на формально-синтаксическую классификацию русских предложений по целеустановке. Традиционно выделяют четыре структурных типа модально-интенциональных высказываний: констативы (повествовательные), интеррогативы (вопросительные), императивы (повелительные) и опативы (сослагательные). Особый интерес в этом ряду вызывают интеррогативы, способные отражать наиболее широкую гамму объективных и субъективных значений, обладающие высокой коммуникативной мобильностью, способностью покрывать собою целые группы смыслов, традиционно связываемых с констативами, императивами и опативами. Это позволяет рассматривать их не просто как предложения, реализующие познавательные коммуникативные интенции говорящего, но как формально-синтаксические единства, выполняющие в речи определенные функции.

На формально-синтаксическом уровне рассмотрения вопросительные предложения - это особым образом интонированные конструкции (отличные от повествовательных, восклицательных и сослагательно-желательных), с особым порядком слов, в которых могут быть использованы также и лексические маркеры вопросительности - т. н. вопросительные слова *ли, разве, неужели, кто, что, где, когда, куда, сколько, как, зачем, почему* и др. Эти формально-синтаксические средства выражения вопросительности находятся в динамическом единстве и реализуются в речи, подчиняясь т. н. принципу замены А. М. Пешковского: «... точное наблюдение над вопросительной интонацией показывает, что она тем слабее звучит, чем большую роль играют другие средства» (Пешковский - 1938:74).

Значительно больший интерес представляют функции вопросительных высказываний в коммуникативном акте. Их изучение предпола-

гает последовательное соотнесение локутивности вопросительного высказывания с компонентной структурой акта общения: говорящим и его коммуникативными намерениями, адресатом и тем перлокутивным эффектом, который произвело на него высказывание, ситуации общения и предметом речи, а возможно, что и с каналом связи, по которому высказывание «передается» от субъекта речи к слушающему или слушающим.

Поскольку в ядре коммуникативного акта (целесообразно использовать именно этот термин, т. к. он обладает более расширительным значением, нежели термин «речевой акт» Дж. Остина и его последователей) находится говорящий, субъект речи со своими коммуникативными намерениями, напрямую связанными с иллокутивными силами порождаемых им высказываний, то функциональную семантику интеррогативного высказывания логичней всего рассматривать на этой основе. Согласно такому подходу выделяются две больших группы интеррогативов - б у к в а л ь н ы е и н е б у к в а л ь н ы е.

Б у к в а л ь н ы е интеррогативы представляют собой вопросительные высказывания, формальный и прагматический смыслы которых совпадают. Собственно, это обычные запросы информации, предполагающие, что на них будет дан более или менее исчерпывающий ответ: *Который час? Сколько это стоит? Куда ты идешь?* Иногда возможен даже не ответ, а лишь подтверждение той информации, которая сосредоточена в самом интеррогативе: *Ты все же сделал это? Вы, конечно, пришли по нашему общему делу?* Коммуникативные намерения говорящего в данном случае совпадают с их речевым воплощением: это запрос о сообщении некоторой информации (д и к т у м н ы й буквальный интеррогатив: *Какое сегодня число?* - требующий объективного ответа) или о высказывании мнения по какому-либо поводу (м о д у с н ы й буквальный интеррогатив: *Мне идет это платье?* - могущий предполагать целую гамму субъективных смыслов). С позиций коммуникативной лингвистики важным является тот факт, что говорящий, порождая буквальное интеррогативное высказывание, положительно либо даже расширительно оценивает совокупный со слушающим объем знаний и его речевую лояльность по отношению к себе. Субъект речи становится как бы в «подчиненную» позицию менее информированного и более заинтересованного по отношению к адресату лица. В случае диалогического унисона (т. е., коммуникативный акт протекает неконфликтно) реализуется иллокутивная сила и искомый перлокутивный эффект достигается: говорящий получает ответ на свой вопрос. Таким образом, буквальные интеррогативные высказывания характеризуются тем, что говорящий, употребляя интеррогатив в определенном речевом или внеречевом контексте, ставит своей задачей в акте общения получение на него ответа, но не подразумевает в своей речи каких либо других прагматических оттен-

ков. Буквальные интеррогативы - это средоточие собственно вопросительных смыслов.

Небуквальны е интеррогативные высказывания составляют значительно большую по объему группу. «Когда, к примеру, говорящий произносит: «Не могли бы вы передать мне соль?», он на самом деле обращается с просьбой передать ему соль» (Вандервекен - 1990:31). Пользуясь терминологией этого автора, в небуквальных интеррогативах значение говорящего и значение высказывания различны: «Рассмотрим, например, высказывание: «Не знаете ли Вы, как пройти к гостинице «Метрополь?»» Здесь говорящий напрямую просит слушателя сказать ему, где находится «Метрополь», т. е. первичным речевым актом или высказыванием будет вовсе не буквальный вопрос о том, обладает ли слушатель определенной познавательной информацией, а косвенная просьба подсказать ему, как пройти к «Метрополю» (там же: 33). Следовательно, в небуквальных интеррогативах иллюкутивная сила не совпадает с языковым значением, это позволяет рассматривать их как составляющие речевой тактики говорящего (поскольку в речевом акте тесно взаимодействуют между собой вербальные и невербальные формы человеческого поведения). Небуквальный интеррогатив обладает большей иллюкутивной силой, чем буквальный, ибо ответ на него, как правило, дается через действие. Это, однако, позволяет говорить и о том, что, давая через действие ответ на небуквальный интеррогатив, тот, к кому он обращен, одновременно отвечает и на буквальный вопрос, заключенный в небуквальном интеррогативе. К примеру, на вопрос о местонахождении гостиницы «Метрополь» адресат отвечает тем, что показывает спрашивающему дорогу и этим демонстрирует, что знает, как туда пройти - это является буквальным (прямым) ответом на вопрос субъекта речи.

Классификация небуквальных интеррогативов строится на вычленинии их небуквальной иллюкутивной семантики, берущейся за основу. Общими типами небуквальных интеррогативов можно считать:

- 1) интеррогатив-утверждение: *Ты все-таки пришел?*
- 2) интеррогатив-просьба: *Не могли бы вы позволить мне ознакомиться с вашими работами?*
- 3) интеррогатив-приказ: данный тип вопросительных высказываний реализуется в особых неречевых контекстах в коммуникациях, для которых немаловажными являются субординативные отношения между говорящим и слушающим, например, обращение офицера к солдату: *Не уберешь ли ты в казарме?*
- 4) интеррогатив-догадка: *Неужели он заболел?*
- 5) интеррогатив-призыв: *До каких пор мы будем терпеть засилье бюрократов и карьеристов?*
- 6) интеррогатив-введение новой информации: *Итак, на чем мы остановились в прошлый раз?*

- 7) интеррогатив-упрек: *Как ты мог подумать обо мне такое?*
 8) интеррогатив-уточнение: *Я правильно понимаю вашу точку зрения?*
 9) интеррогатив-предположение: *А если он не купится на нашу уловку?*
 10) интеррогатив-отрицание: *И вы полагаете, что это сделал я?*

Мы можем констатировать, что небуквальная иллокутивная семантика вопросительных высказываний - это экспансированные интеррогативами смыслы других модально-интенциональных конструкций - констативных (утверждение, введение новой информации, упрек, уточнение, предположение), императивных (просьба, приказ), оптативных (условие, пожелание и пр.).

Особым типом небуквального вопроса является ф а т и ч е с к и й интеррогатив. Он функционирует как вежливая этикетная реакция на речь или действия партнера по коммуникации, подчиненная нормативному разговорному принципу - Принципу Кооперации Г. Грайса: максима отношения «Старайся сделать свой коммуникативный вклад релевантным» (Грайс - 1985: 217-237). «Одной из функций, способных дублироваться или замещаться внеязыковыми средствами, - отмечает Г. М. Яворская, - является так называемая фатическая функция - установления, поддержания или прекращения коммуникации, - направленная на контакт или канал связи. В фатической роли, кроме языковых, могут использоваться также паралингвистические средства или действия, имеющие ритуальный характер» (Яворская - 1991:61). Учитывая такой изоморфизм фатических интеррогативов и невербальных компонентов коммуникации, отметим, что они особым образом организуют диалогическое общение коммуникаторов.

Возможны и другие виды небуквальных интеррогативных высказываний. Так, некоторые из них могут выполнять фасциативную функцию: *Обешитель сломя голову летит в библиотеку и - можешь себе представить? - ни похожего номера, ни такого числа мая месяца в сенатских решениях не обнаруживает* (цит. по: Валгина - 1991:76). Такие вставные конструкции в форме интеррогативов не требуют ответа и служат для проверки канала связи или для активизации внимания адресата.

Обратим внимание на особый тип интеррогатива, реализующийся в условиях «переспросного» диалога. Он отражает различные субъективные оттенки отношения субъекта речи к высказыванию своего партнера по коммуникации. Он может выражать удивление, недоумение, скрытое отрицание только что реализованного в речи суждения (Старикова - 1985:100-101). Интересна функция переспроса как возможности выиграть время, обдумать ответ: «Чтобы выиграть время, - заметил тогда Артузов, - особенно во время застолья, только не дружеского, а чужого, когда надо собраться с мыслями и дать единственно верный ответ, иначе разоблачат и шлепнут тут же, на каждый вопрос задавайте встречный, пусть даже дурацкий, это дает огромный выигрыш во времени». - «То есть как?» - не понял тогда Исаев. «А очень просто. Хотите, покажу? Допустим, вы меня подозреваете,

вам недостает всего нескольких звеньев, чтобы обвинить меня... Начинайте спрашивать, я стану отвечать так, как надо». - «Я мог встретить вас в ЧК, милостивый государь, когда вы беседовали с Пуришкевичем?» - «Я?» - «Конечно, вы.» - «Когда это было?» - «Что было?» - «Ну, наша встреча...» - «В декабре семнадцатого.» - «Батенька вы мой, спросите Фрола Кузьмича, я тогда еще в Стокгольме сидел.» - «Какого Фрола Кузьмича?» - удивился Исаев. Тогда Артузов расхохотался: «Откуда я знаю, Сева! Я выиграл время на дурацких вопросах! Лучше показаться несколько секунд заторможенным дураком, чем красиво сдохнуть, не выполнив свое дело» (Ю. Семенов). В этом случае интеррогатив-переспрос не несет в себе никакой информации и не выступает средством для поддержания коммуникации.

Небуквальная иллюкутивная семантика интеррогативов часто конситуативна, на нее воздействуют и ее формируют различные хронологические и предметно-объектные параметры: временные, пространственные, предметные обстоятельства, социальные, этнические, психологические факторы, а также наличие у говорящего и слушающего общего фонда фоновых знаний и presupпозиций.

Вопросительные высказывания, таким образом, отражают широкий спектр значений, часто экспансируя их у повествовательных, побудительных, сослагательных, а также восклицательно-эмоциональных высказываний. Это поясняется их высокой коммуникативной мобильностью, которая и делает интеррогативы интересным объектом изучения в рамках теории речевых актов, теории речевой деятельности, семантического и коммуникативного синтаксиса и лингвистической прагматики в целом. Такой подход позволяет выявить в интеррогативах функциональные явления, не учитываемые традиционным подходом. Дальнейший анализ предоставляемых этим подходом возможностей открывает новые перспективы для концептуального пересмотра формально-синтаксической классификации модально-интенциональных высказываний.

Литература:

- АРУТЮНОВА, Н. Д.: Синтаксис/Общее языкознание: Внутренняя структура языка., М., 1972.
 ВАЛГИНА, Н. С.: Синтаксис современного русского языка., М., 1991.
 ВАНДЕРВЕКЕН, Д.: Небукральные речевые акты/Концептуализация и смысл., Новосибирск, 1990.
 ГРАЙС, Г. П.: Логика и речевое общение/Новое в зарубежной лингвистике., Вып. XVI., М., 1985.

- КИБРИК, А. Е.: Язык/Лингвистический энциклопедический словарь., М., 1990.
- ПЕШКОВСКИЙ, А. М.: Русский синтаксис в научном освещении., М., 1938.
- СТАРИКОВА, Е. Н.: Проблемы семантического синтаксиса., К., 1985.
- ЯВОРСКАЯ, Г. М.: Принципы социолингвистического подхода к изучению языка/Методологические основы новых направлений в мировом языкознании., К., 1991.
- GROOT, A. W. de: Structural Linguistics and Syntactics/"Word"., Vol. 5., 1949.
- MATHESIUS, V.: On some problems of systematic analysis of grammar/TCLP., Vol. VI., 1936.